Война на пороге

Хронология событий. Продолжаем цикл статей, посвящённых историческим фактам на тему Великой Отечественной войны.

Кирилл **ВОЛКОВ**

Я родился ещё в Советском Союзе, и даже успел побыть октябрёнком, правда, примерить пионерский галстук уже не довелось. Не понаслышке я знаю и о патриотическом воспитании тех лет и не только государственном, но и внутрисемейном.

Будучи ещё дошкольником, я с искренним восторгом распевал революционные и военные песни. *«Щорс идёт под знаменем...»*, *«Уходили комсомольцы...»*, *«Бьётся в тесной печурке огонь...»*, *«Вставай, вставай, ополчанин...»* — нехитрые мелодии и простые тексты глубоко трогали мою неокрепшую детскую душу, заставляя переживать ощущение сопричастности с русским народом; сопереживать героям композиций и испытывать жгучее желание встать с ними плечом к плечу, разделить все тяготы тревожной фронтовой жизни. Любимой игрой моей в три-четыре года было изображать конного красноармейца, отражающего атаки вражеских войск.

Я понимал уже, что такое война, но не ощущал ещё чудовищной трагичности этого явления. В тот судьбоносный день показывали фильм *«Обыкновенный фашизм»*, снятый в 1965 году режиссёром Михаилом Роммом. Не знаю, какой был месяц, но на улице стояло тепло, так что, возможно, трансляцию приурочили к грядущему Дню Победы. На экране показывали странные и страшные вещи. Особенно меня возмутило, что фашисты были жестоки, что убивали детей. Да, большинство этих детей родились раньше, чем мои мама и папа, но они и не вырастут уже никогда, они навсегда остались такими, как я, ну чуть старше или младше. К счастью, наш маленький чёрно-белый телевизор никак не мог передать всех подробностей кинохроники военных лет, но и того, что удалось разглядеть, хватило детскому обострённому чувству справедливости, чтобы начать немедленные сборы на фронт. Я метался между спальней и залом, разрываясь от боли, обиды за то, что произошло когда-то давно, и мучительно хотел это исправить. Запихивал в сетчатую авоську какие-то вещи: маечки, футболки, шорты, отцовский солдатский ремень, печенье в пачках, плавленные сырки «Дружба», липких жирных жареных карасей.

Моя любимая прабабушка, Агафья Григорьевна, внимательно наблюдала за этим с дивана. Ей было тогда почти девяносто лет, и ходила она плохо. Но не было собеседника для меня более участливого и понимающего, чем она. Добрая и бесконфликтная, всегда готовая утешить, помочь, пожалеть. Такой человек нужен каждому ребёнку!

Когда мои сборы стали принимать опасные масштабы, и в сумку отправились любимые игрушки — пограничные собаки Тобик и Алый, бабуля ласково подозвала меня и спросила, что же я делаю? Запальчиво и уверенно я ответил, что собираюсь на войну. И тогда она заплакала. Тихо, безутешно, чуть подрагивая худыми плечами. Естественно, я бросил авоську и помчался утешать бабушку. Я гладил её по седой голове, тормошил, спрашивал: *«Что случилось?»* и *«Хочешь водички?»* (бабуля часто просила принести попить). Но она только повторяла: *«Война — это так страшно...»* А слезы её собирались в глубоких морщинах и всё текли и текли, а я не знал, как помочь, как исправить войну? Ни до, ни после я не видел, как Агафья Григорьевна плачет.

> В тот судьбоносный день показывали фильм «Обыкновенный фашизм». Особенно меня возмутило, что фашисты убивали детей. Да, большинство этих детей родились раньше, чем мои мама и папа, но они и не вырастут уже никогда, они навсегда остались такими, как я.

А завтра была война

Страшные фронтовые годы начались 22 июня 1941 года, но нельзя сказать, что об их начале в СССР были не предупреждены. Ещё 14 июня советские газеты сообщили о появлении в иностранных изданиях слухов о вероятном близком военном конфликте между Третьим рейхом и нашей страной. Однако государственная позиция Советов была чрезвычайно оптимистичная. Национальная пресса подчёркивала, что информация о планах Германии по разрыву пакта Молотова — Риббентропа и нападению на Советский Союз является вредоносными сплетнями, лишёнными предпосылок и имеющими единственную цель — провокацию к обострению отношений между государствами.

При этом даже происходившая переброска немецких войск с Балканов в восточных и северо-восточных направлениях Германии объяснялась иными причинами, не связанными с грядущей войной.

15 июня Семён Константинович Тимошенко (председатель Ставки Главного Командования с 23 июня по 19 июля 1941 года) и Георгий Константинович Жуков (тогда начальник советского Генерального штаба) доложили Иосифу Виссарионовичу Сталину о том, что немецкие войска пребывают в полной боевой готовности, и напомнили, что Советской армии до такого состояния далеко. Вождь категорично отверг предложение форсировать подготовку к боевым действиям, поскольку мобилизация в стране и продвижение войск к западным границам будет обозначать войну!

21 июня 1941 года после 21:00 дозор девяностого пограничного отряда задержал переплывшего Буг и сдавшегося ефрейтора германских войск Альфреда Лискова, который на допросах утверждал, что дата нападения на СССР утверждена, и завтра начнутся боевые действия.

Сталина немедленно оповестили, он же в свою очередь отдал распоряжение о подготовке директивы к частям Ленинградского военного округа, Западного Особого военного округа, Прибалтийского Особого военного округа, Одесского военного округа, Киевского Особого военного округа. Копию надлежало отправить наркому Военно-морского флота Николаю Герасимовичу Кузнецову.

Директива из наркомата обороны оповещала, что 22-23 июня может произойти внезапное нападение немецких частей. Командующие округов поспешили сразу же телеграфировать все указания Москвы в свои подразделения, но информацию получили не везде. Кое-где проводную связь уже перерезали диверсанты. Часть войск получили оповещение слишком поздно — уже после фактического начала войны.

Первые часы

Генерал Александр Андреевич Коробков, являвшийся командующим Четвёртой армии, по словам очевидцев, после атаки немцев произнес: *«Ну вот теперь, наконец, все убедились, что война началась. А коль так, то и от нас требуют действовать по-боевому. Я выезжаю в Брест, а вы оставайтесь здесь и налаживайте связь с войсками»*.

Что известно историкам о трагических событиях утра 22 июня 1941 года? Немецкая армия по ту сторону границы с Советами была готова к выступлению к двум часам ночи.

В четыре часа по московскому времени (три часа по берлинскому) германские войска перешли на нашу территорию вероломно, без предварительного объявления, начав войну. Спустя двадцать пять минут Севастополь, Минск, Рига, Вильнюс, Каунас, Брест и многие другие города подверглись авиационным налётам. Однако главный вред авиаудары нанесли воинским частям и аэродромам.

Начальник штаба Четвёртой армии Западного Особого (Белорусского) военного округа Леонид Михайлович Сандалов вспоминал: *«Страшные взрывы потрясли воздух, и на наших глазах здание штаба стало разваливаться. За первой волной бомбардировщиков последовала вторая. А мы лежали в канаве, лишённые возможности что-либо предпринять: зенитных средств при штабе не было, а большая часть истребителей сгорела на аэродроме. Бомбардировке подвергся весь наш военный городок, в том числе и жилые дома»*.

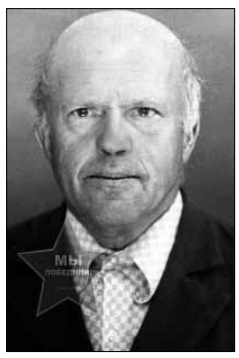
В первую очередь наземный удар пришёлся на пограничные заставы и стрелковые дивизии армий прикрытия.

Обычно на заставе находилось по 42 человека, один пулемёт станкового типа, «Максим», не более трёх ручных пулемётов Дегтярева, остальные бойцы были вооружены пятизарядными винтовками Мосина.

Продолжение следует.

БЕССМЕРТНЫЙ ПОЛК

Азерский Пётр Яковлевич

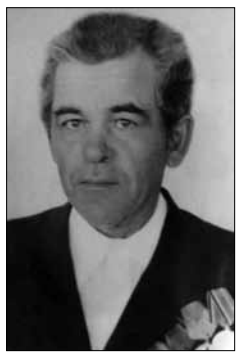
Главным героем в нашей семье всегда был мой дед, Азерский Пётр Яковлевич. Мне посчастливилось знать его, хоть и смутно помню, но лицо его отпечаталось в памяти не только благодаря фотографиям. Он был для меня воплощением героизма всех участников Великой Отечественной войны.
Деда уважали не только родные, но и односельчане.
Он был ветераном и просто хорошим человеком. Работал поваром в Кулевчинской совхозной столовой, о нём всегда вспоминали с теплотой. Его имя упоминали на уроках истории, школьных и сельских мероприятиях.
Пётр Яковлевич — белорус, родом из деревни Рудня Гомельской области. Чтобы попасть на фронт, семнадцатилетний юноша приписал себе год.
Он ушёл воевать, освобождать родную землю, оккупированную фашистами. Белоруссия жестоко пострадала от войны: каждый четвёртый житель погиб.

> В семье бережно хранят историю чудесного спасения Петра Яковлевича. Рядом с ним разорвался снаряд, его контузило и засыпало землёй. Санитары обнаружили его лишь по торчащему из-под земли сапогу.

За бои по освобождению Латвийской ССР в 1944 году Пётр Азерский был награждён медалью «За отвагу». В 1946 году он получил медаль «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.», а в 1985 — орден Отечественной войны II степени.
Имя героя увековечено в Книге Памяти Челябинской области.

Внучка Мария РЕКУНОВА-АЗЁРСКАЯ

Емельянов Иван Андреевич

Емельянов Иван Андреевич, 1924 года рождения — ветеран, инвалид Великой Отечественной войны.
В семье, где рос Иван Андреевич, было 8 детей, он был старшим. Его отца в 1937 году забрали по линии НКВД, впоследствии расстреляли, так что пришлось ему взять отцовские заботы на свои плечи. В 1942 году его призвали на фронт. Курс молодого бойца он проходил в Чебаркуле, оттуда его повезли в Киев. По дороге поезд подвергся атаке немецких самолётов, но он чудом остался жив. На фронте он попал в 13 дивизию, 555 полк и всю войну был разведчиком. Его память хранит воспоминания о Курской битве и форсировании Днепра, очевидцем которых он был, о том, как его ноги были истёрты в кровь от бревна, на котором он преодолевал Днепр.

> При штурме Берлина Ивана Андреевича ранило в голову, хирург, который его оперировал, назвал деда «счастливчиком», осколок не дошёл до мозга один миллиметр. После ранения, пролежав 9 месяцев в госпитале в Полоцке, он был комиссован домой в марте 1946 года..

Иван Андреевич, младший сержант, старший разведчик никогда не хвалился своими боевыми наградами, которых у него множество, но самыми значимыми для него являются 2 ордена Красной Звезды, 4 медали «За отвагу» и медаль «За Победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.»

Внучка Ирина ЧИРКОВА